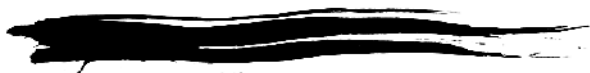

#YOUNG
THRILLER

ТЕРЕЗА ТОТЕН

ВЗРОСЛЫЕ ИГРЫ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

УДК 821.111-12.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Т63

Teresa Toten
BEWARE THIS GIRL

Печатается с разрешения автора и литературного агентства
The Transatlantic Literary Agency

Тотен, Тереза

Т63 Взрослые игры: [роман] / Тереза Тотен; пер с англ.
Н. Болдыревой. — Москва : Издательство АСТ, 2017. —
352 с. — (#YoungThriller).

ISBN 978-5-17-100762-1

Жесткие законы выживания закрытой школы. Кейт пытается притворяться «своей», рассчитывая вызвать интерес богатых наследниц. Похожая на «барби», Оливия становится ее очередным «орудием» и средством подняться выше по социальной лестнице. Пока сама Оливия не становится жертвой другого «хищника».

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-100762-1

© 2016 by Teresa Toten
© Перевод Н. Болдыревой
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Кену, снова и всегда

Не заглянете ли в гости? — муху пригласил паук.

Мэри Хауитт

22 марта, вторник

КЕЙТ И ОЛИВИЯ

Обе девушки застыли в неподвижности. Юная блондинка на кровати не шевелилась, потому что не могла, а блондинка в кресле — потому что... ну, кажется, она тоже не могла.

Нарушив тишину, в палату быстрым шагом вошли два врача, сестра и санитар. Взявшись за простыню, они приподняли тело над кроватью, поменяли белье, проверили пульс и частоту сердечных сокращений. Они прослушивали, трогали и светили в невидящие глаза. Потом вытащили длинную цилиндрическую трубку, закрепленную во рту девушки. Зрелище было ужасное.

Тело напряглось, выгнулось, содрогнулось.

Потом палата снова опустела, и девушка в кресле продолжила свое бдение. Она уже перестала ощущать вонь аммиака и латекса. Врачи ничего не говорили ей, и она перестала спрашивать. Девушка, прикованная к постели, была подключена к спутанному клубку трубок и проводов. Они тянулись от ее разбитого тела к нескольким мониторам и стойке для капельниц, походившей на стальное дерево, расцветшее пузырями

с жидкостями для внутривенного вливания. Все плакало и гудело, но они обе не слышали этого. За проведенные здесь сорок восемь часов девушка в кресле прерывала свое дежурство, только чтобы сделать несколько шагов, поспать или сходить в туалет. Ее обычно безупречно уложенные светлые волосы теперь слиплись и потемнели от пота, грязи и засохшей крови.

Она сидела у мониторов, замороженная мерцанием разноцветных точек, загадочными графиками и особенно — колебаниями зеленой линии. Зеленая линия была важна. Девушка все это время почти ни разу не пошевелилась, пока детектив Акимото, появившись в дверях, не кашлянул, обращая на себя внимание. Она с трудом подняла на него взгляд.

— Прошу прощения, но мне нужно, чтобы вы на минуту вышли к нам.

Девушка обернулась к подруге: в тех местах, где вытаскивали трубку, губы, казалось, опухли и содранная кожа воспалилась.

Детектив открыл маленький черный блокнот. Несколько раз щелкнул ручкой.

— Пожалуйста, поскорее, — сказал он.

Снаружи толклись еще люди. Копы.

— У нас есть несколько вопросов о вашей подруге и о... мистере Маркусе Редкине.

Марк.

Она медленно встала. Комната покачнулась.

— Да, сэр. — Она бросила еще один взгляд на волнистую зеленую линию.

Девушка в постели пришла в себя, по крайней мере — отчасти. Но никто этого не видел. Слова падали из открытого рта, бесшумно скатываясь по простыне на пол.

Но их никто не слышал.

17 сентября, четверг

КЕЙТ

Я не патологическая лгунья и не лгу для того, чтобы поразвлечься. Я лгу лишь потому, что вынуждена. Точнее, я лгала всегда — потому, что всегда была вынуждена. Груз моей лжи не угнетает меня. Так что я в порядке. Вот и все, что можно сказать об этом. Ну, еще и то, что я хочу лучшей жизни. Хотя, постойте, это ложь. Я хочу *великолепной* жизни.

И вот еще что — меня любят собаки и маленькие дети, так что все как в дурацкой старой поговорке. Чокнутым богатым девчонкам я тоже нравлюсь. Я *тот самый* друг. Тот, которому говорят: «Как я раньше жила без тебя?» Или: «С тобой так весело и круто». Друг, которому можно поплакаться в жилетку. Я как спасательный круг, но за него приходится платить. Однако я отвлеклась. Люблю это слово: «отвлеклась». Оно звучит довольно пафосно, и его не так просто вернуть в разговор, как кажется.

Я долго наблюдала за ней.

Первые дни, пока шла охота, я пыталась не ошибиться. До головокружения знакомый ад: куда идти, кто есть кто, как не облажаться в новой школе — и так далее, и тому подобное. Но я умею сосредотачиваться и так, как не каждому по силам. Множество девчонок были изучены и отвергнуты. Слишком правильные, слишком обыкновенные, слишком сдружившиеся или

будто отмеченные «поцелуем смерти»¹ — отвергнутые всеми, хотя на первый взгляд они ничем не отличались от прочих. Я чувствую разницу. Прежде чем попасть сюда, я обработала большую часть старших классов в самых лучших частных школах для девочек. Я была стипендиаткой, пансионеркой. Девочкой, которую, уговорив родителей, приглашают домой на выходные и каникулы. У меня было где практиковаться.

Видите, я знаю, какие они на самом деле, девчонки, скрывающиеся под броней из «рендж роверов» и лубутенов. Они должны выделяться. Мой счастливый билет где-то здесь, в этом классе.

И вот в начале второй недели появилась она — натуральная блондинка, богатая и уже достаточно испорченная. Красивая, друзей особо нет, провонявшая лексапро, или паксиллом, или еще каким-нибудь антидепрессантом. То же самое можно было сказать о половине школы. Но эта — высший класс. Определенно, нечто. Оливия Мишель Самнер — если здесь не пахнет деньгами, то я не знаю, где пахнет. С ног до головы в шмотках из лучших универмагов Нью-Йорка, стильная и дорогая. Остальные девушки держали дистанцию, даже когда визжали: «С возвращением, Оливия!», «Ты вернулась!», «Вау! Рада тебя видеть!». Но они не были ей подругами. Это было совершенно ясно. Оливия скользила мимо, словно ею кто-то управлял. Здесь определенно что-то скрывалось. Превосходно. У нас с Оливией Самнер был всего один общий урок — углубленный английский — но и этого оказалось достаточно.

Полюбуйся на меня.

Смотри внимательно.

Выживает сильнейший, детка.

¹ Особый сигнал, подаваемый боссами мафии или капо и означающий, что этот член семьи стал предателем и должен быть убит. (Здесь и далее прим. переводчика.)

18 сентября, пятница

ОЛИВИЯ

Покачивая головой, Оливия прижимала к уху телефон.

— Нет, папа. Все хорошо. Более чем хорошо, правда. Совсем как ты говорил.

Она расхаживала по модному, утопленному в пол, пространству гостиной. Когда это перестало успокаивать, поднялась в столовую, обошла стол из нержавеющей стали, свернула к библиотеке и, в конце концов, заглянула в каждую из четырех спален, все это время стараясь держаться подальше от кухни, где Анка гремела кастрюлями и проклинала кухонную технику от «Квизинарт»¹.

— За всю неделю ничего не случилось. Правильно, что мы решили не переводиться. — Оливия снова вернулась в гостиную. — Нет, учителя не стали поднимать шум и в лучших традициях Вэйверли дали понять, что сделают все, что будет нужно.

Девушка уже совсем было собралась устроиться в плюшевом низком кресле, как вдруг выпрямилась и опять принялась расхаживать по комнате.

¹ Дорогая марка кухонной техники.

— Ну, как я и предполагала, с углубленным английским будет напряженно, потому что у меня опять мисс Хорнбэк. Слава богу, я уже прочла пьесу Олби и Кормака Маккарти. Но, возможно, мне понадобится репетитор, чтобы закрепиться на уровне заслуженных стипендиатов... Ты не против?

Где же эта книга Маккарти? Девушка вошла к себе в комнату, однако сразу забыла зачем, и снова вышла.

— Нет, на математике и физике я могу отвечать не задумываясь, ты же знаешь. — Теперь она находилась в спальне отца. Гладкий темный дуб и шерстяная обивка разных оттенков серого и бежевого дарили ощущение покоя. Ей это нравилось. Она любила эту комнату. У набросков Модильяни и Караваджо, разместившихся на темно-серых, обтянутых тканью стенах, сияла мягкая маслянисто-золотая подсветка, согревая комнату и создавая ауру безопасности — вроде той, что исходит от ее отца.

— Нет, никуда. Я уже с головой в работе. Понадобятся все выходные, чтобы это разгрести. Да. — Оливия кивнула. — Надо разогнаться.

В остальной части пентхауса главенствовало непостижимое современное бразильское искусство в сочетании с древними китайскими скульптурами. Создавалось впечатление, будто эту коллекцию тщательно собирали, и так оно, конечно, и было. Это сделала жена номер два. Но здесь, в этом раю, ее отец более всего вернулся к искусству традиционному и к самому себе.

— Нет, просто теперь каждую среду. Я говорила тебе вчера. — Девушка почти застонала. — Да, по-прежнему в пять пятнадцать. Слушай, это было предложение доктора Тэмблина. Он настроен более чем оптимистично. — Оливия поймала свое отражение в зеркале и отвернулась. — Конечно, да. Ты в любой момент можешь спросить у него. Я больше не стану отказываться от лекарств. Урок вполне усвоен. — Она стиснула телефон так крепко,

что на ладони остался глубокий след. — Обещаю, никогда. Может, хватит об этом? У меня все хорошо, у нас все хорошо. Кроме того, здесь Анка, и она следит за мной как коршун. Так что давай, просто заверши все эти крупные международные сделки, чтобы нам хватило на оплату электричества в нашем дворце. — Оливия улыбалась, но чувствовала, как груз его беспокойства давит на нее.

— Знаешь, — она опустилась на безупречную кровать, но сразу же встала, — все были милы со мной.

Который сейчас час? В животе заурчало. Ни Модильяни, ни вся эта серая обивка больше не успокаивали. Оливия снова принялась расхаживать по дому. В гостиную, потом к окнам от пола до потолка, тянувшимся вдоль всего пентхауса. Вид из окон завораживал: простор Центрального парка и манящие огни далекой «Дакоты»¹ — Нью-Йорк у ее ног. Девушка почувствовала, как тревога постепенно отступает.

— Я почти никого не знаю из девочек, папа. В прошлом году они были в предпоследнем классе, младше на целый год, а прошлый год был... ну, это был прошлый год. Но они были милыми.

Были ли? Наверняка ходят слухи... Хотя какое это имеет значение?

— Да ладно, пап, это же Вэйверли. Тут у каждого свой мозгоправ на быстрой кнопке. — Небо сменило шелковистый фиолетовый наряд на строгий черный. — Уверена, я найду подругу. А если нет, это всего лишь на год, верно?

Больше всего ей нравилось чернильно-черное небо. Всегда нравилось. Оно успокаивало.

— Нет, я этого не говорила. Конечно, я найду друзей. Слушай, тебе обязательно оставаться в Чикаго до того,

¹ Здание премиум-класса (построено в конце 19 в.), национальный исторический памятник, обрело наибольшую известность как место гибели Джона Леннона.

как ты улетишь в Сингапур? — Ей приходилось прикладывать усилия, чтобы сосредоточиться. — В воскресенье? Отлично, пап! Анка знает? Хорошо, я скажу ей. Нет, я бы лучше сходила в нашу любимую кафешку. Я позвоню.

Оливия снова вернулась к креслу.

— В половине восьмого нормально? — В желудке пульсировала пена. Однажды Оливия описала эту пену как нечто розовое, смесь теплой крови и слюны. — Да. Нет, будет здорово, пап. Жду с нетерпением.

Доктор Тэмблин сказал, что лекарства в конце концов помогут и от этого. Еще он сказал, что Оливия обязательно должна принимать их вовремя.

— Конечно. Хватит, пап... Со мной все будет в порядке. Я тоже тебя люблю. — Девушка положила трубку. На этот раз она опустилась в кресло.

И стала ждать.

— Оливия? Вы больше не говорить по телефону с мистером Самнером? — Вытирая руки о передник, в гостиную вошла Анка. У домработницы была внушительная коллекция передников. — Разве не пора пить таблетки? Уже шесть тридцать. А надо шесть, нет? Принести воды? Оливия?

Девушка хотела сказать Анке, чтобы та отстала. Она сама знает свое расписание.

Но она кивнула, вздохнула и стала ждать, когда же *почувствует* что-нибудь. Что угодно.

21 сентября, понедельник

КЕЙТ

Я живу почти что в сточной канаве.

Прыжок из канавы в сторону приза Йельской начинает выбивать меня из колеи, и поверьте, это кое о чем говорит.

Я заслуживаю лучшего. Намного лучшего.

В этом году я стала стипендиатом Вэйверли, а таким малышам полагается приличная стипендия. Кроме того, по утрам я занята в школьной администрации и каждые выходные работаю как лошадь по две десятичасовые смены на рынке. И тем не менее эта крысиная нора — лучшее, что я могу себе позволить. Последние несколько месяцев моим домом был переоборудованный склад «Китайского рынка и аптеки Ченя». Но денег все равно остается мало. Даже в Чайна-тауне стрижка стоит убийственно дорого: волосы, ногти, макияж — сплошные расходы. Я уже молчу об украшениях. И не знаю, что бы я делала без школьной формы.

В Вэйверли, конечно же, не знают о «Рынке Ченя». Они думают, я живу со своей несуществующей тетушкой. Я во всех других частных школах была пансионеркой, но в Вэйверли нет пансиона. Зато у них лучшая по стране статистика студентов, принятых в самые извест-